

Альманах "Охотничьи просторы"

1957

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
А57

А57 Альманах "Охотничьи просторы": 1957 / – М.: Книга по Требованию, 2017. – 540 с.

ISBN 978-5-519-16004-9

Альманах знакомит читателей с родной природой и животным миром. Специальные разделы посвящены важнейшим проблемам современной охоты, вопросам охраны природы, увеличения численности охотничьей фауны и охотничьему туризму. Статьи содержат советы молодому охотнику, рассказывают о новинках спортивной охоты в нашей стране и за рубежом.

Альманах предназначен широкому кругу охотников и любителей природы....

ISBN 978-5-519-16004-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Редакционная коллегия:

**В. В. Архангельский, В. Е. Герман, И. И. Дебрин,
Е. Н. Пермитин, Н. П. Смирнов, С. С. Туров.**

И. Дебрин

НЕПОВТОРИМАЯ ОХОТА

(Ленин в Бельских лесах)

В августе 1920 года на перегоне между городами Зубцов — Ржев великий вождь и учитель человечества Владимир Ильич Ленин принял участие в первой Всероссийской переписи населения, проводимой советскими статистиками.

Переписной бланк, заполненный со слов Владимира Ильича, хранится в Центральном музее В. И. Ленина в Москве.

В те дни В. И. Ленин вместе с братом Дмитрием Ильичем Ульяновым и сопровождавшими их лицами ехал до станции Оленино, а затем в село Нестерево, Бельского района, чтобы провести там кратковременный отдых.

Эта мало кому известная поездка Владимира Ильича из Москвы в глухие Бельские леса давно стала предметом народных преданий.

Рассказы и воспоминания о поездке В. И. Ленина в Бельский район и воспроизводит очерковое повествование «Неповторимая охота».

ПИСЬМО

В августе 1920 года Наумыч неожиданно получил письмо. Письма тогда в Нестерово приходили редко. Вскрыв не спеша конверт, он бережно развернул листок почтовой бумаги и внимательно, несколько раз перечел его. Писал ему земляк, работавший в Кремле. Долго с изумлением вертел Наумыч записку и покачивал в раздумье головой. Он был удивлен и обрадован.

— Послушай, Татьяна, — обратился он к сестре, — тут пишут мне из Москвы... И рассказал, что в Нестерово собираются при-

ехать столичные охотники...— Просят приглядеть получше места для охоты, да заказывают подыскать ночлег.

— А ты, поди, и рад! Теперь и молотьбу забросишь, по лесу бродить будешь,— с шутливой опаской заметила Татьяна.

— Забросить — не заброшу, а уважить хороших людей надо.

Татьяна не стала спорить, без пререканий согласилась с братом и даже охотно пообещала принять гостей в свой дом.

Письмо доставило Наумычу немало хлопот. Охотник вставал чуть свет, брал двустолку и уходил в лес. Со сноровкой опытного охотника он примечал, где в эти дни больше держится дичь.

Наконец все было готово. На тот случай, если у сестры столичным гостям почему-либо не понравится, он имел про запас разрешение учительницы поместить их в школе.

ВСТРЕЧА

Наступил условленный день. После обеда, в самую жаркую пору августовского полдня, Наумыч вышел за деревню, миновал поле, поднялся на пригорок и долго стоял, устремив глаза за белесый поворот большака у далекой рощи. И вот настороженный слух уловил за перелеском прерывисто-глухое постукивание колес. Вскоре на дороге показались две подводы.

— Не иначе — они! — Наумыч обрадованно поспешил навстречу.

Обе лошади, передняя — серая и вторая — гнедая, были запряжены в простые телеги на деревянном ходу.

Поровнявшись, возница передней подводы, белокурый паренек, придержал лошадь. Четверо путников один за другим поспрыгивали с телег. Среди них Наумыч легко узнал своего земляка, приславшего письмо. Тот сразу же весело воскликнул, обращаясь к товарищам:

— Вот он, сам Наумыч!

Приветливо пожимая руку старому охотнику, каждый из приезжих назвал свое имя и отчество.

Один, назвавший себя Владимиром Ивановичем, показался Наумычу знакомым: будто он где-то видел его... Это был человек средних лет, невысокого роста, плотный, чрезвычайно живой. На его лице заметно выделялись рыжеватая бородка и аккуратно подстриженные короткие усы. Слегка прищуренные глаза излучали добродушную улыбку. Одет он был в русскую синюю рубашку, подпоясанную узким ремешком; на локте правого рукава внимательный глаз едва мог различить следы починки. На ногах у Владимира Ивановича были простые сапоги, на голове — темносерая кепка с большим козырьком.

Наумыч тихонько справился у своего земляка:

— Кто это?

Земляк не ответил и, повернувшись к мальчугану, громко произнес:

— Трогай!

Все пошли за подводами к деревне. На коротком поводке у одного из приезжих бежала желтопегая охотничья собака. Москвичи оживленно переговаривались, шутили, стряхивали друг с друга пыль. Отстав от общей группы на несколько шагов, земляк шепнул Наумычу:

— Это наш самый главный охотник...

Владимир Иванович оказался очень простым человеком. Пока шли до деревни, он успел Наумыча о многом расспросить: и как здоровье, и как живете, и об урожае, и об охоте...

Наумыч предложил москвичам остановиться или в школе, или у сестры.

— Давайте лучше к вашей сестре, Наумыч,— сказал Владимир Иванович,— если вас не стесним. Так удобнее будет.

Татьяна Трофимовна Трощенко радушно встретила гостей. Около печи тотчас зашумел самовар.

Путники прибирались с дороги, очищались от пыли, мылись.

— А где тут у вас, Наумыч, можно выкупаться? — спросил Владимир Иванович.

— А вот пойдете на Каменный вир!

Направились к протекавшей вблизи деревни извилистой речке Льбе.

Плес Каменный вир охотникам очень понравился. Вода в нем была светлая, прозрачная. Над водой в серебристом блеске чуть покачивались травинки, а на дне пестрели разноцветные камешки.

— Льба... Вот она какая, Льба! Славная речка! — восхищался Владимир Иванович.

Он быстро разделся и бросился в воду. Плавал задорно, как молодой. Видно было, что это доставляло ему большое удовольствие. Каменный вир казался тесным для такого пловца. Глядя на него, Наумыч думал: «Наверно, этот человек всю жизнь провёл где-нибудь у моря или у большой реки».

Пока москвичи купались, Татьяна Трофимовна накрыла на стол. С краю его на подносе гостеприимно пыхтел и распевал самовар. Владимир Иванович пригласил Наумыча первым занять место и быть «за хозяина», затем, раскрыв сумку, достал какой-то бумажный сверток и передал хозяйке:

— Возьмите, Татьяна Трофимовна!.. Московский гостинец.

Татьяна Трофимовна смутилась, стала отказываться. Но Владимир Иванович настоял на своем. Он сам отнес пакет за перепородку возле печи и положил там на прилавок.

Хозяйка тем временем подала на сковородке горячую яичницу с салом, вареные яйца, свежие огурцы и большую кринку молока. Молоко было вскипчено и остужено. В таком виде попросили приготовить его, уходя купаться, охотники. Оказалось, остуженное кипяченое молоко особенно любил Владимир Иванович. Он участливо обратился к Татьяне Трофимовне:

— Мы вас не очень затрудняем? Если у вас чего-либо не хватает, не хлопчите, мы и так обойдемся.

— Что вы, что вы! — запротестовала хозяйка. — Мы, слава богу, живем хорошо. Обижаться не приходится. Вот только соль у нас неприглядная, темная. Да и такую трудно достать. А вы кушайте, Владимир Иванович, — и она придвинула поближе к нему яичницу и кринку с молоком.

— Вот это славно! Люблю молоко... — подложив к себе ломтик черного хлеба, Владимир Иванович принялся за еду. Молоко он пил с большим аппетитом, а до всего остального, что было на столе, почти не дотронулся.

Татьяна Трофимовна за перегородкой развернула пакет. В нем оказались сахар, чай, кулек с белой столовой солью и бутерброды.

За столом Владимир Иванович все время подшучивал над своими спутниками. Завязался непринужденный разговор. Владимир Иванович заразительно смеялся и пожелания остаться «мазилью» с полной готовностью принимал на себя.

— Мне, — говорил он, — только бы в лесу побывать да дичь посмотреть. А сколько ее добыть — это не столь уж важно.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ОБРАЗ

Пока гости закусывали и пили чай, Наумыч не переставал присматриваться к Владимиру Ивановичу. Небольшая рыжеватая бородка. Проницательные прищуренные глаза... Широкий, открытый лоб...

Наумыч был твердо уверен, что когда-то он его уже видел... И видел где-то близко.

— Неужели «он»? — Наумычу и верилось и не верилось.

Однако в памяти отчетливо вставал незабываемый случай. Это было в Петрограде весной 1917 года. Наумыч служил тогда солдатом караульного батальона. И вот однажды на демонстрации ему довелось очень близко видеть и слышать, как перед народом с балкона одного дома выступал с пламенной речью Ленин. Одетый в солдатскую шинель, пожилой смоленский крестьянин из глухого Бельского уезда жадно ловил горячие, простые и ясные слова оратора и хорошо его запомнил.

Охотник из Москвы был поразительно похож на Ленина. И голос такой же, чуть-чуть картавый...

Но Ленина зовут Владимир Ильич, а не Владимир Иванович!

Все более пристально вглядываясь в загадочного гостя, Наумыч вдруг поднялся из-за стола, отошел к полочке, на которой лежала стопка старых газет, и, не подавая вида, стал торопливо перебирать газеты номер за номером. И взгляд его остановился на знакомом портрете. Руки затряслись от волнения. Наумыч нашел то, что искал. Переводя глаза то с портрета на гостя, то с гостя на портрет, Наумыч решил: «Это он!»

Он осторожно сложил газеты на прежнее место и будто ни в чем не бывало опять сел за стол. Его переполняло радостное чувство. В последний раз он назвал соседа Владимиром Ивановичем, а потом, близко склонившись, тихо и приветливо проговорил:

— А ведь на самом деле вас зовут Владимир Ильич. Я узнал вас, товарищ Ленин!..

Владимир Ильич весело рассмеялся и, слегка притронувшись рукой к плечу сметливого крестьянина, сказал:

— Вы не ошиблись, Наумыч. Узнали, ну и хорошо. Значит, будем еще раз знакомы.

После этого московские охотники перестали скрывать, кто они. В их числе находился брат Ленина — Дмитрий Ильич.

БЕЛЬСКИЕ ЛЕСА

После короткого отдыха гости попросили проводника вместе с ними пройти за околицу — посмотреть местность. Наумыч с радостью согласился. Он теперь готов был не расставаться с Лениным целую жизнь.

Через огород, затем мимо гумен и других хозяйственных построек проследовали за деревню и взобрались на крутой зеленый холм. Отсюда открывалась живописная панорама Бельских лесов. Внизу меж кустов голубели излучины Льбы. Наумыч посоветовал долго здесь не задерживаться, а подняться на кладбищенскую гору, откуда вся окрестность была еще виднее.

— Теперь у нас Малое и Большое Нестерово соединились вместе. Растет наше село, строится... Лесу — сколько хочешь, — простодушно пояснял на ходу проводник.

С горы раскрылись необозримые лесные просторы. Слева начинался Зеленый остров, справа тянулись Выскинские ляды. Длинная лощина, а еще правее — Солодиловские мхи и Запога. Но это лишь часть Бельского полесья, которое далеко шло вдоль берегов реки Обши, то примыкая к ней вплотную, то отступая в сторону. Леса краснохолмские, понизовские, чичатские, щучейские, ильинские и слободские простирались к западу на сотни верст. В этих лесах еще и теперь есть такие дебри, где можно идти день и ночь и не встретить ни жилья, ни человека. Есть и непроходимые болота, мхи и трясины, по которым с трудом пробираются люди — и то лишь в засушливое лето или зимой. Особенно малодоступен Пелышев мох. Землемеры летом переходили его на широких охотничьих лыжах. Нетронутая лесная крепь! Много таится в ней дичи и зверья.

— Хорошо у нас, Владимир Ильич, — вырвалось у Наумыча.

— Да-а, хорошо! Тажные места... Недаром их кто-то даже назвал «бельской Сибирью». А что мне особенно нравится, — говорил Владимир Ильич, — так это простор и тишина. Самое главное — тишина.

ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВ

Под вечер собрались на охоту.

Перешли речку, пересекли яровое поле и направились к Зеленому острову. Мелкий осинник и березняк с обеих сторон плотно обступали узкую тропинку.

Трава уже начинала смачивать сапоги прохладной росой. Полегло пряным запахом медуницы.

У ног Ленина бежала собака — пойнтер. С кофейными пятнами на морде и крапинками по всему телу, стройная и легкая, очень послушная, она прямо-таки покорила охотничье сердце.

— Тише, Чайка, тише...— время от времени произносил Владимир Ильич.

Чайка покорно повиновалась воле хозяина. По всему было видно, что ее натаскивал опытный егерь. Миновав мелколесье, охотники вышли на край поросшего соснами мохового болота.

— Теперь,— полушепотом сказал Наумыч,— надо быть на чеку. Тут можем поднять выводок тетеревей, есть и куропатки.

— Чайка, вперед! — негромко скомандовал Ленин.

Собака быстро пошла среди мелкого вереска и пахучего багульника. Продвинулись по болоту совсем немного. Вдруг Чайка застыла в мертвой стойке, потом напряженно приникла к земле перед кустом спелой голубики. Сюда приблизился Владимир Ильич. Чайка, еще плотнее припадая к земле, ползком пробиралась вперед. «Хорошо ведет»,— только успел подумать Наумыч, как из кустарника с треском вырвался выводок рыжевато-ржавых птиц с белыми пятнышками на перьях. Грянули один за другим два выстрела. Стрелял Ленин. Семь или восемь куропаток рассеялись по болоту за кочками и кустами.

— Здорово промазал! — во весь голос воскликнул Владимир Ильич и неодобрительно закачал головой: «Ай-ай-ай!» А потом, как бы в свое оправданье, заметил: «Давно не бывал в лесу, редко стреляю».

Было решено: долго этим вечером в лесу не задерживаться. Надвигались сумерки. Над болотом поднимался туман. Дичь куда-то попряталась.

— На сегодня, пожалуй, и хватит,— спустя некоторое время, сказал Ильич.— Завтра пораньше сюда же придем.

Домой возвращались поздно. В полумраке по кочкам, через валежник Ленин пробирался так легко, что Наумыч, Дмитрий Ильич и другие едва за ним поспевали.

Выйдя на дорогу, Владимир Ильич убавил шаг и с удовлетворением проговорил:

— Разведку сделали. Замечательно! Я очень доволен, Наумыч.— Потом вдруг спросил:

— А раньше вы здесь охотились?

— Какое там,— ответил Наумыч.— Разве можно было. За-

судят или ружье отнимут. Тайком от лесной стражи, признаться, похаживали.

— Это любопытно! Нуте-ка, расскажите, расскажите!

И Наумыч рассказал:

— Был такой случай. В конце зимы 1914 года пришли в Зеленый остров лоси... Снег был глубокий. В одиночку охотиться за лосями тяжело, просто не хватает сил. Вот и собралось нас одиннадцать человек. Мы знали, что разрешалось убивать только лосей-быков, а коров-лосих трогать строго запрещалось. Но закон тогда ведь был господский, его боялись, а не уважали. И даже делали назло против закона.

Издали отличить лося от лосихи можно только по рогам. У лосихи рогов не бывает. Особенно трудно распознать лося или лосиху в лесной чаще. Встревоженные лоси мчатся по лесу как ошалелые. Только треск стоит да пыль снежная вьется; мелькает в ней где-то серобурая тень. Вот и разбери тут — лось или лосиха?!

Так случилось и с нами. По следам обошли мы трех лосей. Охотники заняли места. Одного послали к стойбищу — стронуть лосей, а стронуть их просто. Шуму особого не требуется. Лось — чуткий зверь. Чуть где хрустнет снег или за ветку полушубком заденешь, он сразу насторожит свои большие уши. Подойти к лосю на выстрел удается редко.

Так вот, все — на местах. Я тоже — на своем. Стою. Жду. Вдруг, что кнутом хлопнули на морозе два выстрела. Я замер. Не дышу. Слышу, как стучит сердце. По спине дрожь. Вот-вот на просеке покажется горбоносая с развесистыми рогами голова... Слева, откуда никак не ждал, хрупнул снег. Лось перемахнул через тропу. Я выстрелил, с деревьев посыпался иней. И опять все замерло. Но не надолго. В стороне послышались голоса. Вскоре показались на лыжах мои товарищи. Они мне кричат:

— Уходи, Иван! Барин с объездчиком! Наших ловят!

А порядок был такой: если лосиху убьет не один, а несколько охотников, сообща, то штраф накладывался гораздо больший. У нас, как на грех, убитой оказалась молодая лосиха. Ну, составили протокол. Барин забрал лосиную тушу...

Стали мы соображать, как лучше выкрутиться из беды.

— Прими все на себя, Иван, — упрашивают меня приятели, — соберем тебе по рублю на взятку, да по рублю на штраф.

Уговорили. Через две недели приходит повестка. Являюсь к уряднику.

— Почему один? — набросился тот на меня. — Где остальные? Говори, кто с тобой был, кто стрелял? Всех судить будем!

— Господин урядник, зачем всем судиться? Я один виноват. Что хотите со мной, то и делайте. Обознался, говорю, стрелял по лосю, а упала лосиха.

Мое признание сбilo урядника с толку. Кое-как потихоньку я с ним сторговался. Уплатил штраф десять рублей, да столько

же сунул на стол под бумагу. Урядник покосился на взятку и уже более мягко пригрозил:

— Только вперед не попадайтесь, а то — засужу...

Владимир Ильич, выслушав рассказ, заметил:

— Такие люди, как этот урядник, за десятку не только лося, но и человека могли продать.

После ужина Ленин, оставив в избе ружье, сумку и патронташ, ушел с Дмитрием Ильичем ночевать в сарай, на свежее сено. Лег он прямо на сено, без подстилки. Татьяна Трофимовна предлагала и простыню, и одеяло, но он решительно отказался:

— Свежее сено мне очень знакомо, уж позвольте мне прямо на нем отдохнуть. В Москве такого удовольствия нет.

РЯБЧИКИ

На утро поднялись до рассвета. Будить Владимира Ильича не пришлось. Спал он хорошо, но лишь скрипнули ворота, мгновенно раздался его голос:

— Наумыч, это вы?.. Встаем, встаем.

Ильич быстро оделся и поспешил умыться. Умывался он прямо на крыльце, где висел глиняный рукомойник. Перед выходом в лес позавтракали.

Владимир Ильич очень внимательно следил за собакой. Он накормил ее еще перед завтраком. И дома, и на охоте, во время привала, Ленин прежде всего кормил собаку, любовно гладил ее и называл разными ласковыми именами. В домашней обстановке Чайка ни на шаг от него не отходила. На сеновале она спала у его ног.

Утро выдалось прекрасное. Небо пламенело зарей, но солнце еще не взошло, когда охотники выступили из Нестерова. Луга и речка скрывались в тумане.

Владимир Ильич был в каком-то особо приподнятом, веселом настроении. Много шутил, а поднявшись на поросший орешником пригорок, даже запел что-то вполголоса про лозу виноградную...

Не доходя до Зеленого острова, свернули в молодой осинник, заросли которого вперемежку с ельником тянулись, примыкая к сосновому болоту, версты на две.

Здесь водились рябчики, — кругом по кочкам в изобилии краснела брусника.

— Место самое подходящее! — заметил Владимир Ильич.

Чайка, крадучись, пошла по краю небольшой засеки и остановилась. Охотники взвели курки. Но дичь, по-видимому, уходила. Собака порывисто повела вперед.

Внезапно из-под носа Чайки с резким шумом поднялся выводок. Это и были рябчики. В отдалении они расселись по деревьям. Наумыч своим паметанным глазом быстро обнаружил